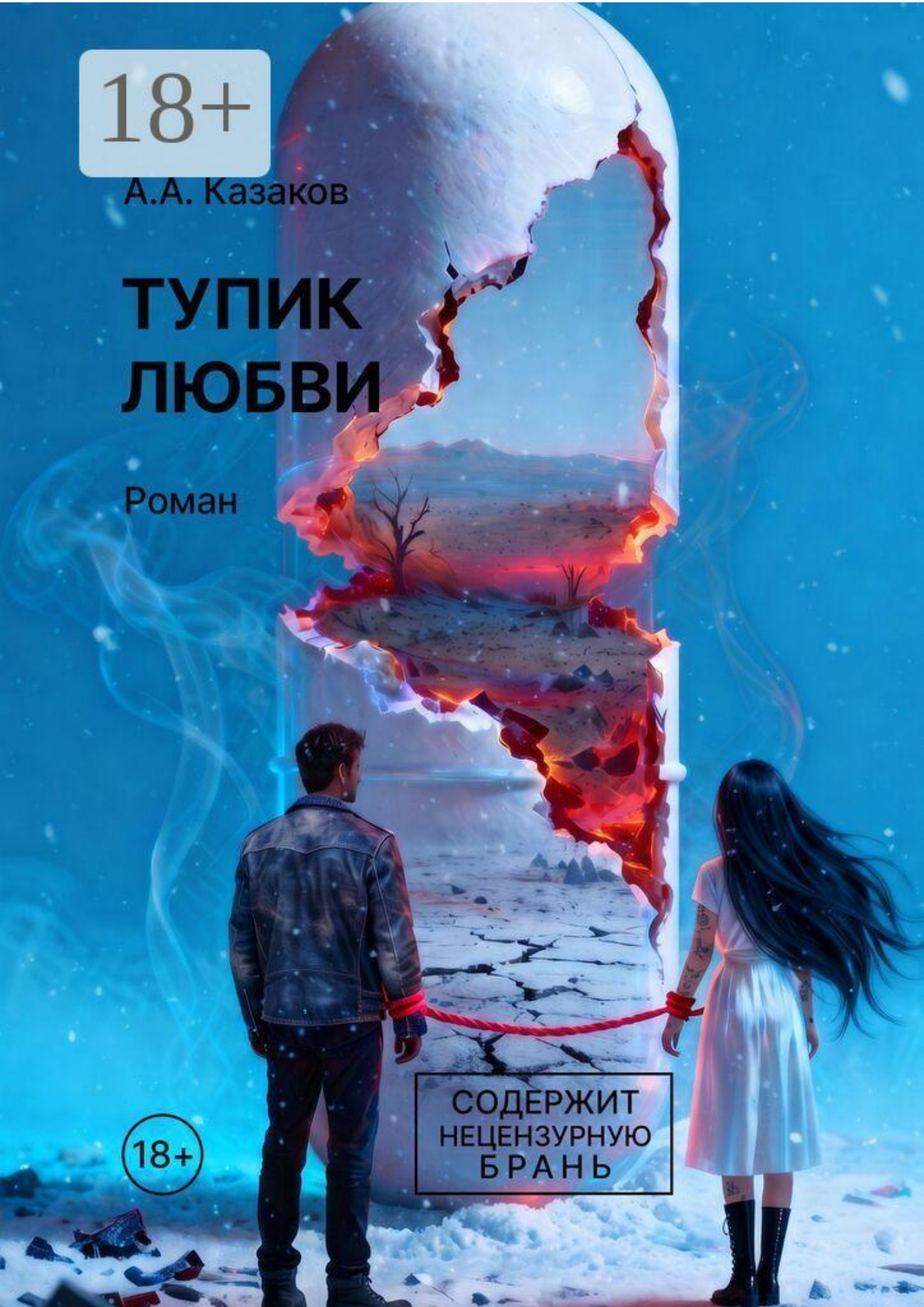
18+
А.А. Казаков
ТУПИК ЛЮБВИ
Роман
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

А. А. Казаков

Тупик любви. Роман

«Издательские решения»

Казаков А. А.

Тупик любви. Роман / А. А. Казаков — «Издательские решения»,

Он работает на фабрике дверей, где бесследно исчезают сотрудники, а одна из дверей ведёт совсем не туда, куда должна. Суд назначил ему экспериментальный препарат, который выжигает агрессию, но взамен делает с ним кое-что похуже. Единственный человек, которому он ещё доверяет, готов признаться в их общем преступлении — и утянуть его за собой. Чтобы выжить, ему придётся войти в ту самую дверь. И то, что он увидит по другую сторону, окажется не худшим. Страшнее то, кем он был раньше.Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А. А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА 6
ПРОЛОГ. НАЧАЛО ПЕРЕМЕН 7
ГЛАВА 1. ПИСКЛЯ 8
ГЛАВА 2. ДВЕРОБОЙ 13
ГЛАВА 3. КЛЮШКА 18
ГЛАВА 4. ФИЛИПП 23
ГЛАВА 5. ДОКТОР ПАЛЬМА 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Тупик любви
Роман

А. А. Казаков

© А. А. Казаков, 2026

ISBN 978-5-0071-6523-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наташе. Навсегда

ОТ АВТОРА

Эта книга — вымысел. От первого до последнего слова.

Все люди, места и события в книге вымышлены, они не имеют никакой связи с реальными людьми, местами и событиями. Любые совпадения случайны.

На протяжении истории герой принимает препарат, прописанный его лечащим врачом, который называется Зозамакс. Такого препарата не существует, я выдумал его специально для этой истории. Если же в фармакологии и имеются какие бы то ни было лекарства со схожими названиями, то мне о них неизвестно.

Фабрику дверей, на которой работает главный герой, как и её название, я также выдумал. Как и охранное агентство «Рыцарь». Как и организацию СПУ. Если в реальности и есть фирмы-организации с похожими названиями или аббревиатурами, я о таких не слышал.

В книге присутствуют ситуации, размышления и натуралистические описания, которые важны для сюжета, но не являются отражением взглядов автора. Я не преследую цели обидеть кого бы то ни было.

Данная история не рекомендована к прочтению лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста.

Приятного чтения.

ПРОЛОГ. НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

В конце года, когда всё вот-вот пойдёт по одному месту, так что раньше уже никогда не будет, мне впервые за долгое время снится Филипп. Выглядит он иначе, чем в тот раз, когда я видел его покидающим зал суда, чтобы отправиться отбывать наказание за преступление сексуального характера. Он худой и ободранный, словно его привязали к телеге и катали по камням лицом вниз. Лицо его, загорелое и ссохшееся, лишено черт, как если бы его стёрли. Сам он напоминает высушенную копию себя прежнего. Узнаю его лишь по выцветшей татуировке на шее с изображением красной змеи, поедающей собственный хвост.

Он держит в руках самодельную хоккейную клюшку, стоя на выжженном поле перед маленькой арочной дверью. Торопясь и озираясь, он стучит в арочную дверь: делает это с таким неистовством, как будто от этого зависит его жизнь.

Когда дверь открывается, Филипп протягивает клюшку через потрескавшийся порог, вручает её мне и говорит как человек, в горле которого сто лет как пересохло:

— Началось. Действует. Чувствуешь?

* * *

Когда солнечный свет пробивается через занавешенные жалюзи окон и расстилается неравномерными полосками по линолеуму на полу, я решаю, что смысла в этом сне не больше, чем в любом другом. Но по какой-то причине слова Филиппа въедаются мне в мозг и вызывают почти физический зуд, как если бы их нацарапали на внутренней стороне черепа.

Умываясь, принимаю две таблетки Зозамакса: я храню их в бутылке без наклейки и повсюду таскаю с собой. Горькие капсулы вызывают у меня отвращение и не только из-за вкуса.

Позже, тем же утром, забираясь в такси (чёрная «Гранта», водитель молчаливый тип в чёрной одежде), прикидываю в уме: расскажи я об этом сне Доктору Пальме, она, разумеется, скажет, что у всего есть смысл. Но она не в курсе про ситуацию с Филиппом. И я сделаю всё, чтобы так оно и оставалось. Чтобы никто не узнал.

Это наша с Писклёй тайна.

ГЛАВА 1. ПИСКЛЯ

Как правило, Пискля наведывается ко мне раз в неделю: без предупреждения стучит в дверь моей квартиры, в пятницу поздним вечером, зная, что я дома. Смотрит в глазок на тяжёлой металлической двери, улыбаясь так, будто ей в рот напихали бритвенных лезвий, после чего ждёт меня в коридоре, присасываясь к электронной сигарете.

С тех пор, как нас связало тем, чем связало, в квартиру она не заходит, но никто её и не упрашивает. Мне хватает осознания, что следующие несколько часов мы проведём за вымученной беседой в шумном баре, где я угощу её парой-тройкой коктейлей, куплю ей ужин (строго ПП для РПП-шницы, какой она и выглядит), а сам выпью две большие кружки чёрного кофе.

Эти встречи меня раздражают, но без них я не могу оставаться уверенным, что Пискля и дальше продолжит держать язык за зубами.

* * *

Мы сидим за барной стойкой, Пискля смотрит либо на свои тяжёлые чёрные ботинки, надетые на голые худые ноги, покрытые татуировками, либо общается с кем-то в Сети, тыкая в экран телефона, пока громкие разношёрстные студенты заливают в себя пиво и рубятся в настольный футбол: тот установлен по центру зала.

Бар называется «Компост» — популярное молодёжное место, куда люди заходят напиться перед тем, как поехать в ночной клуб. И мне, и ей не нравится это место, но бар стоит в центре города рядом с моей квартирой на Центральной площади — десять минут на такси, за которое плачу я, — так что ни ей, ни мне не приходится думать о том, каким разговором разбавить ледяную тишину по дороге.

Сидя на высоком стуле без спинки, можно увидеть в окно кукольный театр, кинотеатр «Гангрена», где показывают преимущественно фестивальное кино, а ещё витрины магазинов через дорогу: от цветочного «Кактус» до бутика нижнего белья «Овечья шкура».

В свои двадцать три года Пискля вызывает во мне тревогу, смешанную с возбуждением — не сексуального характера. Её бледная тонкая кожа нуждается в загаре (однажды я схватил её за руку, и на запястье остался синяк, который держался неделю). Я одновременно восхищаюсь её безрассудностью и презираю её за паразитический образ жизни. Все её друзья — это двадцатилетние отбросы: нигде не работают, существуют на деньги родителей, сексуальных партнёров или «спонсоров».

У Пискли есть причина ждать от меня еженедельных выплат, как у меня имеется причина ждать наших встреч. Чтобы в очередной раз удостовериться, что наше преступление осталось строго между нами. Чтобы держать её под присмотром.

— Что с работой? — спрашиваю я, будто мне есть дело. И сразу добавляю: — Не надумала вернуться в университет?

— Нет и нет. Журналистика не моё.

— А работа не интересует, пока есть я.

— Точно. Ты обещал, что если я помогу тебе, то будешь обеспечивать меня, пока можешь. Или ты думал, что я и сама в скором времени пропаду куда-нибудь?

— Не говори об этом. Не здесь.

— Мы вообще об этом не говорим. А может, и следовало бы.

Качаю головой, глядя на бокалы и бутылки, расставленные на стеклянных полках у стены. Ловлю собственное отражение в зеркале на той же стене: бледное в жёлтом свете бара, с блестящими глазами и взлохмаченными чёрными волосами, но всё такое же худое и молодое в двадцать девять лет.

Я говорю с сожалением:

— Если ты продолжишь, мне придётся напиться, а я этого не хочу.

— Ты не сможешь выпить, даже если захочешь. Пока принимаешь эти лекарства, — отвечает она, выдыхая клубничный пар от электронки мне в лицо. Я кашляю, борясь с желанием отобрать у неё эту штуку и раздавить ботинком. — И нам правда давно пора поговорить о тех событиях. Меня переполняет…

— …отчаяние?

— У тебя тоже?

Пискля смотрит на меня так, как не смотрела с тех самых пор, как случилось то, что случилось. Глаза у неё большие и влажные.

Пискля выглядит заинтригованной моими словами, почти влюблённой: она и правда когда-то меня любила, иначе ни за что не согласилась бы помочь.

Но при этом во взгляде читается настороженность, словно она увидела дикого зверя, покинувшего клетку.

Я говорю ей как есть:

— У меня нет на этот счёт никаких чувств. Мы сделали то, что должны были.

— И тебе плевать на то, как он там? Он вообще-то был твоим другом. Вы работали вместе. А потом…

— Он не был мне другом. Филипп был моим напарником по работе, да. Но не другом. И он… в порядке. Я уверен.

Я прошу её прекратить курить эту дрянь. Она продолжает, не слушая.

— Он в тюрьме, — отвечает Пискля, парируя. — И он не может быть в порядке. Я сомневаюсь, что ты вообще переживал об этом хоть раз. Не спал ночами, как я? Не мог сосредоточиться на учёбе настолько, что был вынужден бросить её?

Настала моя очередь атаковать.

— Ты не бросала учёбу. Тебя отчислили. Ты не ходила в университет хрен знает сколько. Так что нечего прибедняться.

Пискля допивает очередной коктейль, щёлкает пальцами, подзывая бармена. Разве что не свистит ему. Когда тот, недовольный её дерзостью, обращает на неё внимание — бросает на Писклю снисходительный взгляд — она указывает на пустой бокал и просит повторить. У бармена неопрятная рыжая борода. Он кивает и уходит делать коктейль.

Пискля впивается пухлыми губами в электронную сигарету. Выдыхая, поворачивается ко мне, зная, как я не люблю запах этой фруктово-пластмассовой гари.

— Поговорим о чём-нибудь поприятнее? — спрашиваю я, надеясь сменить тему.

— Плевать, — отвечает она.

— Ты так и живёшь с этим квадрэпером? Как он там себя называет? Секира Шестьдесят Девять?

Она молчит. Я донимаю её дальше:

— Это твои первые серьёзные отношения. Наша девочка выросла. Совсем взрослая. Поздравляю.

— Как же ты не любишь терять контроль, да? Твоей Миры нет и теперь ты решил, что можешь третировать меня?

— Что за бред?

— Ах, бред! Ну тогда давай поговорим о том, как проходит твоё принудительное лечение? Всё так же не можешь написать ни одной аранжировки, мистер музыкальный продюсер?

— Не груби мне.

Она вздыхает, кладёт голову на руку, вытянутую на барной стойке: длинные чёрные волосы прикрывают лицо. Потом, успокоившись, смотрит на какого-то безобидного парня в красном свитере поверх рубашки. По виду он и Пискля ровесники. Он сидит за дальним сто-

лом и говорит громче других, привлекая внимание других посетителей. Парень машет ей, но она показывает ему средний палец с полным безразличием на лице. Это меня смешит.

Бармен ставит перед ней новый коктейль. Она облизывает трубочку. Потом прицеливается и стреляет в меня трубочкой: та отлетает от рукава моей кожаной куртки и попадает в бармена. Он смотрит на нас с раздражением. Я развожу руками, пряча улыбку. Пискля смеётся и пьёт коктейль большими глотками.

Я не унимаюсь:

— Так как там твой мальчонка?

— Да, мы живём вместе, если тебе так интересно. И у него имя вообще-то есть.

— Интересно одно. Это любовь или секс?

— А есть разница?

— Если любовь, то ты имеешь его. Если секс, то он тебя. Всё просто.

— Может, поговорим о том, как было у вас с Мирой? Ах, да! Говорить-то ведь и не о чем, больной ты психопат…

— Не лезь в это.

Музыка и Мира тесно переплелись в моей голове: её молодое лицо с точёными скулами выплывает из памяти как из тумана, но я отмахиваюсь.

— С тобой всегда так, — говорит Пискля, старательно доканывая меня.

— Как?

— Никак. Мы говорим только обо мне. Всегда.

— Обычно девушкам это нравится.

— Я… не… обычная.

В голосе Пискли сомнение, смешанное с раздражением.

— Мы не станем говорить о том, что случилось между мной и Мирой. Так же как не станем говорить о моей бывшей девушке вообще. Тема закрыта.

— Тогда нам нет больше смысла встречаться, — говорит она. И это фраза, брошенная вскользь, напрягает меня.

— Наоборот. Нужно как никогда.

— Боишься, что я разболтаю? О том, что мы сделали?

— Нет, — отвечаю я как можно нежнее. — Я переживаю за тебя.

— Чушь. Ты боишься меня. Того, что я могу сделать. Думаешь, раз теперь у меня появился парень, то я расскажу ему обо всём.

Она ухмыляется, мне хочется ударить её по лицу, но от этой мысли под кожей у меня что-то шевелится: словно там бегают муравьи. Становится не по себе.

— Ты умная. И знаешь, что плохо от этого будет нам обоим.

— Раньше я думала, что ты, вероятно, самый хладнокровный сукин сын из всех.

— А теперь что?

— Теперь мне и думать не надо. Я знаю это.

Она пожимает худенькими плечами, скрытыми под чёрной кожаной курткой. Один из плюсов «Компоста» — здесь можно сидеть в верхней одежде, что мы оба ценим. Пискля предпочитает белые обтягивающие платья, которые подчёркивают её спортивную фигуру и «обеляют её» в глазах смотрящего, это её слова, не мои. Эти платья добавляют ложную уязвимость её и без того хрупкой фигуре и идут вразрез с десятками татуировок на лице и теле. Она занимается с тренером в спортзале по три-четыре раза в неделю: тоже за мой счёт.

Пью остывший кофе. Пискля осушает бокал, тянется через стойку, чтобы повторить, но я качаю головой: притормози.

— Так что там с твоим парнем? В смысле какой он и как его успехи? — спрашиваю я, хотя на самом деле мне нет до него никакого дела.

— Он нормальный. Немного робкий, но хороший. А что касается его карьеры…

— Карьеры! Избавь меня от истории ещё одного талантливого, но такого непопулярного рэпера, который станет звездой не сегодня, так завтра.

Пискля вспыхивает, глаза у неё блестят: то ли от выпитого, то ли от гнева.

— На его двух последних альбомах суммарно более двадцати тысяч прослушиваний. На него подписаны более тысячи человек. И в следующую пятницу состоится его первый сольный концерт в клубе «Мразь». Тебя кстати не приглашали, чтоб ты знал. Даже не думай приходить, говнюк!

Похоже, у них всё серьёзно, и она готова стоять за него горой.

— Это всё меняет, — отвечаю я, не скрывая насмешки.

— Не будь ты таким мудаком.

— Я нормальный. Это ты неблагодарная.

— Ага. Как же! Может, ты и был нормальным. Когда-то. Но с тех пор, как произошла вся эта история с твоей девушкой, после того, как тебя осудили…

— Условно, — говорю я, поправляя её, хотя знаю, что ей известно об этом. Но она говорит так специально, чтобы позлить меня. — Меня осудили условно.

— Плевать. Вот именно тогда ты совсем шизу поймал…

— Закрой рот. Я не шучу.

Хочу схватить её, но вовремя останавливаюсь: рука дёргается в её направлении, но муравьи под кожей ползут быстрее, пальцы немеют.

Пискля, заметив мой порыв, вздрагивает. Впервые за вечер смотрит на меня с нескрываемой яростью. Тёмные глаза-колодцы, полные ненависти и отчаяния, намокают — скорее всего от страха. Она приближается ко мне вплотную, словно собирается поцеловать. Её спёртое дыхание щекочет мне ухо.

— Ты смеёшься над моим парнем, потому что сам стал творческим кастратом, — шепчет она. — После того, что этот твой доктор сделала с тобой…

— Никто со мной ничего не делал. Я принимаю таблетки. Экспериментальный препарат для подавления агрессии. Называется: Зозамакс.

— А смысл? Не помогает. Ты всё тот же псих.

— В этом мы одинаковы. Оба не ангелы, да. Но что важнее, мы связаны, сама знаешь чем.

— У меня больше общего с грязью под ногтями бомжихи, чем с тобой. Ты неудачник.

Она толкает меня и отстраняется. Я теряю терпение и говорю ей, что думаю:

— Я работал музыкальным продюсером. Писал аранжировки, да. У меня было более пятидесяти тысяч подписчиков в Сети. Я продавал музыку и купался в деньгах, когда твой мальчонка ещё с мамкиной сиськи лакал. И может быть сейчас я не могу заниматься музыкой, тоже верно. Эти таблетки блокируют все мои творческие порывы, их просто теперь нет во мне. Но когда я пройду курс лечения, когда закончу, вот тогда, будь уверена, я верну своё. А вот ты как дерзкой была, так нищей и останешься. Факт, сука.

Заканчиваю говорить, моргаю и вижу, как по щекам Пискли текут слёзы.

Достаю бумажник, отсчитываю деньги и бросаю ей на колени четыре пятитысячных купюры. Она хватает их машинально, чтобы не разлетелись по липкому полу, но выглядит это так, будто она жаждет этих денег.

— Сделай себе татуировку с ником своего мальчонки. Или купи ему трусы. Или напейся до блевотины. Мне плевать. До встречи на следующей неделе.

Это расстраивает Писклю сильнее. Когда она заговаривает, голос дрожит от обиды:

— Я… буду… на… концерте… козёл! Так что увидимся… через… две недели…

— Значит, до встречи на концерте. Меня затрахало встречаться в этой помойке.

Пискля краснеет и выскакивает из-за барной стойки так, что стул под ней пошатывается и, кружась, падает на пол.

Раздаётся грохот. Люди вокруг смотрят кто на меня, кто вслед убегающей по лестнице Пискле.

Парень с полосатым шарфом за ближайшим столиком возвращает стул на место, его взгляд направлен на меня: в нём читается вызов. Но он ничего не предпринимает. Как и парень в красном свитере: он тоже смотрит на меня через весь зал, что-то ищет на моём лице, но я спокоен.

Мой телефон молчит весь вечер и сейчас показывает полночь. Посетители прибывают, вскоре кто-то занимает место Пискли.

Оплачиваю счёт (два моих кофе и четыре её коктейля) и отправляюсь домой пешком, радуясь первому снегу, зная, что через неделю мы встретимся снова. Но даже не догадываясь, при каких обстоятельствах.

* * *

Следующие несколько дней Пискля пишет мне сообщения по типу «нам нужно обсудить сам знаешь что», «я так больше не могу, постоянно думаю об этом» и «ещё немного, и я свихнусь». Собирается ли она рассказать кому-нибудь? С чего у неё так взыграла совесть? В моём случае ни о каких угрызениях речи не идёт. Доктор Пальма диагностировала у меня социопатию помимо нарциссического расстройства личности, когда суд направил меня к ней. Тем не менее я не могу допустить, чтобы Пискля заговорила о нашем преступлении, и обдумываю, как заставить её выбросить этот бред из головы.

ГЛАВА 2. ДВЕРОБОЙ

На работе тоже становится не всё гладко. Я работаю фрезеровщиком на производстве межкомнатных дверей в фирме «Дверобой» и к этому времени добиваюсь поразительных успехов. Для человека, который даже не смог поступить в университет — после школы сразу ушёл в армию — я отличаюсь и высокой дисциплиной, и мотивацией, что в корне выделяет меня на фоне других сотрудников. Здесь работают люди преимущественно ленивые, алкозависимые, проживающие свои жизни с позиции жертвы.

Обычно я работаю по двенадцать часов шесть дней в неделю, фрезерую двери и прочее по индивидуальным заказам. Работаю на двух фрезерных центрах, которые занимают большую часть производственного цеха: длинного, но узкого кирпичного помещения с ярким светом под потолком и бетонным полом. В течение дня я предпочитаю не разговаривать с другими сотрудниками.

К работе я не испытываю ничего кроме безразличия, но деньги платят приличные.

«Мы делаем серьёзные вещи за серьёзные деньги, так что вперёд, за работу» — так повторяет Патрон, единственный и полноправный директор фирмы, который недолюбливает меня за то, что я не умею подчиняться.

Сегодня я приезжаю на работу как всегда в шесть утра, добираюсь на такси. Меня привозит молчаливый водитель с виду лет за сорок, одетый во всё чёрное: машина — чёрная «Гранта». В последнее время мне попадаются преимущественно водители, поразительно похожие друг на друга, ездящие на практически идентичных автомобилях.

Нигучи (упаковщик, маляр и подсобник, носит красную застиранную бандану на бритую голову) очищает парковку от снега. Жёлтый свет от фонарей над крыльцом скользит по железным автоматическим воротам и отбрасывает гигантскую тень на фасад здания, выкрашенный в светло-синий цвет. Тишину утра нарушают проезжающие по дороге машины.

В беззубом рту у Нигучи дёргается сигарета.

— Как оно? — говорю я, выбираясь из такси.

— О, привет! Темно. Как будто с вечера не уходил.

Пожав друг другу руки, обращаю внимание, что он снова пьян, но не настолько, чтобы быть не в состоянии работать. В свои сорок четыре он пьёт каждый день, и для него эта работа стала первой за долгое время, на которой он сумел задержаться дольше чем на полгода. Мы устроились одновременно, и, несмотря на мою неприязнь к местным обитателям, к Нигучи я испытываю некоторое уважение: на него можно положиться. По субботам мы часто работаем вдвоём и за это время многое успели обсудить: в основном говорит он — рассказывает о своей семье, прошлых работах, бурной молодости.

— Сегодня день Икс, — говорит Нигучи, тяжело дыша. Он всегда так дышит из-за сломанного в драке носа. — Ремонтные работы.

— Опять? Недавно же были.

— Начальник производства так сказал. Вчера вечером. А зачем тебя вообще вывели?

— Вывести меня, дорогой, можно только из себя.

Мы смеёмся.

— Значит, сегодня на полдня, — говорю.

— Не знаю. Я, наверное, останусь. Помогу им.

От его слов меня пробирает мороз, хотя температура на улице не ниже минус пяти и ветра нет.

— Не думаю, что это хорошая идея, — говорю я и замолкаю, чтобы не сказать лишнего.

* * *

Переодевшись в раздевалке, прохожу по цеху (тихому и чистому в такое раннее время) запускаю оборудование, включаю его прогреваться. Ознакомившись с нарядами на работу, которые начальник производства оставил мне накануне, осознаю, что делать сегодня особо нечего.

Думаю о том, чем бы занимался в это время раньше: до того, как всё пошло по наклонной. Наверняка сидел бы в студии звукозаписи в своём загородном доме: писал музыку, попивая кофе, дожидаясь десяти утра, чтобы смешать себе первый стакан водки с тоником, а в обед поехал бы в ресторан, а после затащил Миру в постель…

Отыскав пару фасадов, закидываю их на оборудование, адаптирую программу и принимаюсь за работу, погружаясь в мысли о Пискле. Думаю о том, стала ли она проблемой? Могу ли я всё ещё доверять ей, учитывая, что она, видимо, сильно сблизилась со своим новым парнем. Секирой Шестьдесят Девять.

К восьми утра цех заполняется шумом: гудят компрессоры, шелестят листы шпона, рычат шлейф-машинки. Один за другим приходят сотрудники: проходя мимо меня, жмут мне руку, что-то говорят, я киваю, улыбаюсь, ощущая всю глубину собственного отчаяния от мысли, что такой и будет вся моя дальнейшая жизнь, если я не прекращу принимать Зозамакс, если не смогу вернуться к музыке.

«Эти таблетки не сертифицированы, и у них много побочных эффектов, в твоём случае это неспособность заниматься творчеством, будто ты родился без всякого таланта, как большинство других людей». От слов Доктора Пальмы, моего лечащего врача, назначенного судом, у меня ноют зубы.

Нахожу начальника производства. Он сидит за компьютером в техотделе на втором этаже, вносит данные по нарядам. Замечая меня, он говорит:

— Сегодня сокращённый день. Я забыл тебя предупредить.

Он хихикает, видимо, чувствуя себя виноватым из-за того, что не сообщил мне об этом вчера. Я делаю вид, что расстроен, хотя по большому счёту мне всё равно. Дни, когда я не работаю по причинам, от меня не зависящим, компенсируются деньгами от фирмы.

— Что-то серьёзное? — спрашиваю я.

— Будем чинить проводку. Барахлит.

— Опять? Двух месяцев не прошло.

— Вчера свет пропадал. Приказ директора.

— Мистика.

Когда спускаюсь в цех, навстречу попадаются трое: Свинопас, Старый Дохляк и Буба. Сорок, пятьдесят пять и тридцать пять лет соответственно. Свинопас — толстый краснолицый коротышка, крикливый, как баба. Старый Дохляк — высокий седовласый распиловщик, три года как закодированный. Буба смышлёный, но мечта логопеда: при разговоре глотает слова, совсем не дружит с членораздельной речью.

Все трое подтверждают: директор не в духе, заказов нет, в работе простой, после обеда домой.

Буба говорит, что менять будут лампы, а не проводку.

— Кого-то из нас точно наёбывают, — говорю я, и мы все смеёмся.

* * *

Работа идёт быстро, и к полудню, когда остальные сотрудники уже собираются по домам, на экране одного из моих компьютеров появляется мигающая надпись: смажьте направляющие. Решаю закончить работу, произведя техобслуживание.

Отправляюсь на склад за банкой со смазкой для станков, но стеллажи завалены чем угодно: от уплотнителя и фурнитуры до перчаток с пупырышками и тряпок, похожих на порванные на части трусы. Но банки со смазкой нигде нет. Иду в пристройку, железная дверь в

которую находится за одним из станков. Иногда кто-нибудь из подсобников по ошибке уносит нужные мне банки туда.

Оказавшись в сером, узком помещении, покрытом паутиной, с высоким потолком и производственным хламом, озираюсь по сторонам, когда вижу в дальнем углу кое-что, чего там быть не может.

— Твою мать, откуда? — говорю я, обращаясь к самому себе, и голос мой отдаётся эхом от стен. Изо рта вырывается облачко пара: температура здесь ниже нуля.

Помещение по факту и правда лишь пристройка, обитая с двух сторон листами железа и примыкающая к Г-образному углу здания. Две другие стены — из белого кирпича. В каждой из них по железной двери. Первая дверь ведёт в газовую котельную, отапливающую фирму. Вторая дверь открывается в цех: через неё я и попадаю в пристройку.

В пристройке темно, даже днём. Нащупываю выключатель на стене, щёлкаю, но свет работает с перебоями, лампочка мигает: она мертвее нашей с Мирой любви. Тусклый свет освещает лишь часть хлама в углу.

Повсюду покоятся сваленные в кучу компьютерные стулья с рваной обивкой. Под потолком на балке перекрытия висит обтянутая малярным скотчем боксёрская груша. По углам валяются обрезки алюминия и зелёные мешки с опилками, раздувшиеся как животы толстяков. А также: компьютерные столы, безногие табуреты, разобранные шкафы. Словом, много всего, сваленного в разнобой. Как будто нарочно. Чтобы прикрыть что-то.

Тем не менее, мне удаётся разглядеть одну штуку: она-то и привлекает моё внимание, вызывая недоумение. Глаз цепляет за этот предмет.

Хоккейная клюшка.

Она стоит, прислонённая к маленькой арочной двери в конце пристройки. Клюшка точно такая же, какую фрезеровал себе Филипп, мой бывший и единственный напарник, который всему меня здесь научил.

Арочная дверь, покрытая чёрной облупившейся краской, высотой мне по грудь и шириной не больше полуметра. Петли проржавели, круглая ручка почернела, порог в плесени, а коробки по бокам разбухли от влаги.

Эта дверь вызывает тревогу. Особенно, когда знаешь, что за ней.

Глядя на клюшку, я думаю, что кто-то намеренно оставил её. Как подношение. Либо клюшку выбросили сюда, открыв маленькую арочную дверцу изнутри.

— Кто там?

— Аааaа…

Меня передёргивает от неожиданности. Голос за спиной пугает меня.

Это Нигучи. Он улыбается, глядя, как я перевожу дыхание.

— Сука ты!

— Прости. Не хотел напугать.

— Нет. Хотел.

— Ну да. Если только немного, ха-ха. Что ищешь?

— Банку со смазкой.

— Так их утром привезли, я к себе забрал, когда машину разгружал. Надо тебе?

— Давай.

Он возвращается в цех. Моё дыхание выравнивается.

С улицы задувает ветер. Крыша пристройки из профнастила трясётся и гремит.

Следуя внутреннему порыву, я пробираюсь к арочной дверце, преодолевая завалы мусора, и хватаю хоккейную клюшку. Её конец обмотан грязной изолентой в цвет хрома.

После чего спешу убраться из пристройки как можно скорее.

* * *

Забрав у Нигучи банку со смазкой, принимаюсь за техобслуживание. Пока вожусь с резервуарами, меняю фрезы, калибрую их, клюшка Филиппа стоит у стены, навевая мысли, от которых мне не по себе. То, что так сильно хочет обсудить Пискля.

— Это чьё? — спрашивает Патрон, здороваясь со мной за руку и указывает на клюшку.

— Филиппа.

Ему хватает двух секунд, чтобы сменить маску скуки на гримасу раздражения.

— Чтоб от этого мудака я здесь больше ничего не видел, тебе ясно?

— Это всего лишь призраки, Патрон. А они, как известно, безвредны.

Директор пропускает мои слова мимо ушей.

— Почему раньше не выбросил? Когда всё его барахло сжигали?

— Спряталась, наверное. Только нашёл.

— Где была?

— За станком стояла. Упала, видимо, — вру я.

— Выбросить. И заканчивай тут уже. Сейчас ремонтники придут.

Я представляю, как отказываю ему, говорю всё, что о нём думаю, и в ответ он достаёт хромированный револьвер, который он обычно хранит в сейфе своего кабинета, и простреливает мне голову.

Мне ли не знать, что жестокости Патрону не занимать.

В отличие от других сотрудников фирмы, я видел директора с пистолетом в деле.

* * *

Пока я выключаю оборудование и убираю отфрезерованные изделия, мысль о клюшке не даёт мне покоя. Патрон прав: мы действительно уничтожили все вещи Филиппа — даже безделушки, которые он фрезеровал ради удовольствия: мишени для тира, игральные кости, подставки под телефоны. Клюшка лишь одна из них.

Сам Филипп не был хоккеистом. Он вообще никем не был, если вдуматься.

«Другом, он был твоим другом», раздаётся голос Пискли у меня в голове.

Нет, не другом. Всего лишь вторым, кроме Пискли, с кем я общался после того, как меня оставила Мира. После того, как меня отправили лечиться, и весь мир от меня отвернулся.

Филипп научил меня всему на этой работе, это факт. Благодаря его знаниям и опыту я стал профессионалом.

Благодаря мне он отправился отбывать наказание в колонии.

При помощи Пискли, без которой я не справился бы.

* * *

Производственный мусор сотрудники фирмы выбрасывают в контейнер на заднем дворе. По уму мне следует отправить клюшку туда. Вместо этого, уходя с работы в полдень, беру её с собой.

Когда я выхожу из цеха, мне попадается Нигучи.

Он не удивляется, что я ухожу с клюшкой на плече. Только говорит, что директор попросил его остаться и помочь с ремонтом.

Сердце замирает. Я знаю, что это значит.

— Шёл бы ты домой, — говорю я как можно убедительнее. — Не надо тебе это.

— Да ну, брось. Скоро Новый год. Куплю детям немного лишних конфет.

Я настаиваю, пытаюсь вразумить его:

— Скажи, что тебе плохо, и уходи.

— Всё равно дома делать нечего. Пить что ли опять?

Он уходит смеясь, а я провожаю его взглядом, прикидывая, могу ли я что-то предпринять. На ум приходят наши с Нигучи разговоры, мои попытки убедить его бросить пить, как я возил его на такси в клинику, чтобы он закодировался (он продержался трезвым три

месяца, потом сорвался). Вспоминаю, как неоднократно фрезеровал для его детей простенькие игрушки, когда у него совсем не было денег на настоящие подарки.

Но сделать ничего не могу.

Если я раскрою карты, расскажу ему правду о том, что здесь происходит, то мой план по тому, как отомстить Мире, раскроется.

Она останется безнаказанной.

Ухожу, надеясь, что в этот раз всё как-нибудь обойдётся.

ГЛАВА 3. КЛЮШКА

Выхожу на улицу, заказываю такси до «Компоста» и пишу Пискле, что хочу встретиться через час. Обещаю, что мы поговорим обо всём, о чём она захочет.

Машина приезжает быстро, это чёрная «Гранта», покрытая грязью.

Открывая дверь, пачкаю руку, забираюсь на заднее сиденье, клюшку кладу в ноги, руку вытираю о сиденье, убедившись, что водитель не смотрит на меня в зеркало заднего вида.

Водитель (мужик сорока с чем-то лет в чёрной кепке, гладко выбритый) не оборачивается, когда я хлопаю дверью. Выезжаем на мокрую от снега дорогу, минуя производственные здания, склады, парковки для дальнобойщиков и убогие пятиэтажки.

Перед мостом проезжаем заправку и попадаем в пробку на железнодорожном переезде: впереди опускается шлагбаум, приближается поезд, дрожат рельсы.

— Работаешь на дверях? — спрашивает водитель. — У меня тоже была фирма, делали серийную мебель. Рухнули в кризис.

— Бывает.

Я кручу в руке кейс с наушниками, недвусмысленно намекая, что разговор меня не интересует. Водитель не замечает.

— Знаешь, а я наслышан о вашем директоре. Серьёзный тип, да? Тридцать лет в бизнесе. И ни один кризис его не потопил. Как думаешь, почему?

Он кладёт правую руку на спинку пассажирского кресла и оборачивается ко мне.

В его маленьких карих глазах нет хитрости. Решаю, что ему и правда интересно.

— Нацелены лишь на богатых клиентов, — говорю я. — Проще продать один качественный дверной блок за сто тысяч, чем сделать десять единиц посредственного продукта и впарить их десяти людям. Обычная математика.

— Ты так думаешь? Серьёзно?

Поезд проезжает, я насчитываю шесть вагонов. Красный сигнал светофора сменяется зелёным, шлагбаум поднимается, машины перед нами трогаются, и мы следом за ними.

Водитель усмехается, будто не принимает мой ответ за правду.

— Я вот считаю, что дело в связи.

— Угу. Ясно.

— У твоего директора связь с чем-то большим. Высшим.

— Понятно.

— Это как договор, заключённый на небесах. Или в аду.

Проезжаем железнодорожный вокзал, напротив которого стоит двухэтажный торговый центр. Люди курсируют по пешеходному переходу между ними. По тротуару, разметая ногами снег, в сторону автобусной остановки шагают пешеходы. Автобусы останавливаются, свистя тормозами, преграждают путь автомобилистам: выплёвывают пассажиров и едут дальше.

Водитель говорит, косясь на меня в зеркало заднего вида:

— Может, твой директор это… ну того. Сектант какой-то?

— С меня хватит. Тормозите. Дальше не едем.

— Нам же ещё два квартала!

— Приехали. Я выхожу. Сейчас же.

Он съезжает на обочину.

— Аккуратнее, парень.

— С чем именно?

— Да со всем, — отвечает водитель.

Хватаю клюшку и выскакиваю на улицу. Когда он уезжает, ставлю ему два балла из пяти в приложении, а в комментариях пишу: «назойливый мудак, устроил допрос с пристрастием, к тому же псих».

Оставшуюся часть пути до бара я иду пешком. Снег усиливается.

* * *

На входе в «Компост» замечаю, какие грязные у меня ботинки. Вытираю подошвы о каменные ступени, чищу их в снегу и только потом захожу в бар.

Посетителей почти нет: несколько столиков занимают работники соседнего бизнес-центра, забегающие на обед, плюс ребята с ноутбуками, уставившиеся в экраны с умным видом. Пискли нет.

Бросаю куртку на вешалку, занимаю стул за баром, клюшку ставлю рядом. Появляется бармен.

— Не видел на этой неделе девчонку, с которой я здесь обычно встречаюсь? Брюнетка. Носит платья и ботинки. Вся в татуировках.

— По выходным здесь таких полно, выбирай любую, — отвечает бармен, шутя. — Но я понял, о ком ты, ага. Твоя подруга.

— Это она так сказала?

— Ага. И она вроде как даже этим гордится.

— Ясно. Когда ты её видел?

Он чешет рыжую бороду, мелкие кудрявые волоски летят на стойку. Бармен смахивает их ладонью.

— Вчера. Расстроенная была. Пила за счёт каких-то студентов. Ушла где-то в девять вечера.

— Одна?

— Кое-кто из парней подбивался к ней, но я же говорю, она была очень расстроена. Будто умер кто-то.

Он принимает у меня заказ и уходит.

Пытаюсь дозвониться до Пискли — телефон недоступен.

Обедаю, забираю клюшку, вызываю такси (приезжает снова чёрная «Гранта», водитель молчит) и еду к ней домой.

* * *

Когда самое худшее, кажется, уже позади, мир подкидывает тебе очередную порцию говна на вентилятор. Так говорил отец Пискли, и это всё, что я запомнил о нём. Помимо того, что он пил больше, чем говорил, и меньше, чем работал. Наши родители дружили, насколько это возможно у взрослых людей, пока отец Пискли не начал спиваться — после того, как от рака умерла её мать. Из-за этого Пискля много времени проводила у нас дома.

Мои родители относились к ней с заботой и терпением, и я никогда не испытывал к ней романтических чувств. Оберегал, да. Использовал в своих целях, снова да.

Мои родители убедили её закончить школу и поступить в университет, из которого её вскоре отчислили. Если бы мои родители не умерли к тому времени — отец от оторвавшегося тромба, мать от старости и тоски по моему отцу — они расстраивались бы из-за неё, из-за того, какой она стала. Пискля была неприспособленной к жизни и находила проблемы там, где другие даже не думали задерживаться. Она всегда искала того, кто возьмёт её за руку и проведёт по жизни, вместо того, чтобы полагаться на себя.

Справедливости ради следует сказать одно: я рад, что мои родители умерли до того, как закрутилась вся эта моя история с судом и лечением. Если бы они были живы на тот момент, когда меня судили, это убило бы их. Мать так точно. И тогда я нашёл бы Миру и прикончил её голыми руками.

* * *

Пискля живёт в пятиэтажном доме с видом на центральный рынок в квартире, доставшейся ей от родителей. Поднимаюсь к ней на этаж в старом скрипучем лифте со стенками из разрисованной маркером фанеры, стучу в тонкую металлическую дверь, покрытую облупившейся жёлтой краской. Открывают не сразу.

Наружу выглядывает длинноволосый худой парень с голым торсом. Решаю, что это Секира Шестьдесят Девять.

— Где она? — спрашиваю я.

— Ты кто такой? — отвечает он, пугаясь.

Он косится на хоккейную клюшку в моей руке.

— Позови её сюда. Скажи, что я жду.

— Да кто ты, мать твою…

Отталкиваю его и протискиваюсь в квартиру.

Внутри пахнет затхлостью, царит полумрак, в коридоре горой валяются переполненные мусорные пакеты.

— Добро пожаловать в склеп, — говорю я. — Пискля? Где ты?

Прохожу в спальню. Пискля лежит на незастеленной кровати в чёрном нижнем белье и мужской футболке. При виде меня не пытается ни прикрыться, ни изобразить удивление. На лице — апатия. Она пьяна, глаза стеклянные, волосы грязные.

— О, привет, — говорит она заплетающимся языком. — И пока.

— Пошли, нам нужно всё обсудить.

— Тебе нужно. Мне нет. Уже нет.

Бросаю ей клюшку: та ударяет её по ноге. Она не реагирует. Наверное, к вечеру на ней будет синяк.

— Это его. Нашёл сегодня. На работе.

— И что это значит?

— Там не осталось его вещей. После того, как Патрон приказал избавиться от всего.

— Совпадение. Забыли выбросить. Мне-то что?

Меня одолевает желание схватить её и хорошенько встряхнуть, чтобы она протрезвела.

— Совпадение как и то, что ты забыла о нём, а на прошлой неделе резко вспомнила?

— Я никогда его не забывала. В отличие от тебя.

— Да что тут вообще происходит? — говорит Секира, переминаясь с ноги на ногу в дверном проёме. — Кто он?

Вид у Секиры настороженный и расстроенный одновременно. Дело однозначно в моём появлении. Похоже, он не выдерживает конкуренции.

Мысли о том, что у него что-то случилось, у меня не возникает: мне нет до него никакого дела.

Пискля выпроваживает меня рукой: машет ей в попытке избавиться от меня. Движения выходят вялыми.

— Мой старый друг, — говорит она, успокаивая Секиру. — И он уже уходит.

— Какого хрена он врывается к тебе в квартиру? Ты что, спишь с ним?

Я говорю ему, что если он не поменяет свой тон, то не сможет спать ни с кем и никогда.

— Это я тебе гарантирую, — заканчиваю я.

Он смотрит на меня как на самого мерзкого проходимца, потом разводит руками и, бурча что-то, выходит из комнаты.

У меня под кожей всё чешется. Нужно поговорить об этом с Доктором Пальмой. Может, препарат действует неправильно?

— Не дай ему уйти, прошу! Он мне дорог, — говорит Пискля, не поднимаясь с кровати. — А ещё у него что-то случилось. Но он мне не говорит, в чём дело.

— Если не говорит, значит, сам справится. Взрослый мальчик.

— Какой же ты всё-таки, сука, бездушный.

В её пьяном замечании нет ни капли злости, лишь бессилие и тоска.

Я спрашиваю, сколько дней она уже пьёт.

— А сколько прошло дней с тех пор, как ты обрёк своего напарника на страдания, а меня на вечные муки совести?

— Филипп сделал свой выбор и теперь платит за это.

— Нет! Это я убедила его выбрать меня. И не произноси его имя. Только не при мне.

Клюшка по-прежнему лежит там, куда я швырнул её: на кровати, у неё в ногах. Пискля хватается за неё и швыряет клюшку в меня. Я уворачиваюсь.

Хоккейная клюшка пролетает метра два, не больше. Бьётся об стену и, падая на пол, трясётся, громыхая на всю квартиру, пока не останавливается.

Пискля поднимается и, пошатываясь, выходит вслед за своим мальчонкой.

* * *

Экран включённого телевизора показывает сериал, поставленный на паузу. На кресле рядом с фикусом лежит стопка чистой мужской одежды.

Парень и правда живёт здесь. Это меня настораживает.

Из другой комнаты доносится их ругань: несдержанная брань Пискли, послушные ответы Секиры. Она, видимо, объясняет ему, кто я, и он отвечает: «ты спишь с легендой битмейкинга, и это должно меня успокоить?»

Я кричу ему, чтобы расслабился, говорю, что не сплю с его девушкой.

Пискля кричит мне в ответ, чтобы я заткнулся.

Я слышу, как она говорит ему, что скоро вернётся. Потом спрашивает, не хочет ли он рассказать ей, что у него произошло, почему он такой грустный. Вместо ответа Секира просит её остаться с ним, не ходить со мной, но Пискля говорит, что должна идти.

Она появляется через пару минут, одетая в платье, обуваясь на ходу.

— Он твой фанат. И он не верит, что мы с тобой не спим…

— Его проблемы меня не волнуют. Какой план?

— Я хочу съездить к нему.

Я не сразу понимаю, о ком речь.

— В колонию, — добавляет она.

— Это исключено.

— Мне нужно. И я поеду. С тобой или без тебя.

— Зачем? Чтобы всё рассказать?

— Чтобы убедиться, что он в порядке.

— Он там в порядке.

— Ты проверял? Связывался с ним?

— Конечно. Каждый день переписываюсь. Я же ему и телефон подарил. Он его из рук не выпускает. Он ведь там, как на курорте, блядь.

— Я так и знала, что ты просто запаниковал. Тебе и правда плевать на всех, кроме себя.

Прислушиваюсь к звукам: мне кажется, я слышу, как плачет Секира. Впрочем, это может быть лишь звук бегущей по трубам воды. Подхожу к Пискле, беру за руки, они ледяные.

— Он в тюрьме. В колонии. Суд назначил ему срок за изнасилование. Это не шутки. К нему нельзя. И тем более не тебе.

И тогда она делает то, что мы договорились никогда не делать.

Пискля признаётся. Пока лишь мне, но это верный знак: скоро она сболтнёт это и кому-нибудь другому. Например, своему парню.

— Но он не делал этого, и ты знаешь! Мне было восемнадцать лет, и это было обоюдно. А ты убедил меня, что так надо. Надо обратиться в полицию, чтобы подставить его. Выставить всё так, будто он изнасиловал меня…

— Он думал не тем местом и поплатился за это.

— …его посадили, а ты забрал себе его работу! Ты хоть понимаешь, сколько боли причиняешь людям?

Я уже глажу её худые оголённые плечи, вожу пальцами по татуировкам, но она сбрасывает мои руки.

— У меня не было выбора. Мне нужна была эта работа. И я отлично справляюсь с ней один. И деньги, которые мне платят, обеспечивают нас обоих до сих пор.

— Должно быть что-то ещё, — говорит она, не отставая. — Нужна причина.

— Это и есть причина. Других нет.

Я не говорю ей, что это правда лишь наполовину.

Филипп был помехой на пути к цели. Вместо этого я говорю ей частичную правду: что работы на двоих не было, и меня бы наверняка уволили.

Я не могу сказать ей, что мне нужно было остаться в этой фирме, чтобы реализовать то, что я задумал. Воплотить в жизнь план мести по отношению к Мире.

Пытаюсь снова взять её за руки, чтобы успокоить, но Пискля отстраняется, будто прикасаться ко мне опасно для жизни.

— После того, что ты сделал с Мирой…

— После того, что произошло с Мирой, — говорю я, поправляя её.

— Говоришь так, будто всё само случилось. Но нет! Это ты приковал её наручниками к батарее, оставил одну в доме и ушёл на два дня, пить и развлекаться…

— Не говори об этом! Даже не продолжай!

Я уже ору на неё, но она пьяная и не боится меня.

— После того, что ты сделал с ней, тебе следовало уяснить, что обижать людей нельзя. Но нет! Ты использовал меня, чтобы уничтожить другого человека, сломать ему жизнь! Я ненавижу тебя за это!

Заходит Секира, хмурый и понурый. Видит нашу перепалку, но молчит.

— Нам пора, — говорю я, накидывая на Писклю её куртку, которую беру с вешалки. — До встречи на твоём концерте в пятницу, пацан.

— Не хочу тебя там видеть, — отвечает он так, будто и правда ненавидит меня.

Пискля выпроваживает меня, выталкивает из квартиры. А сама задерживается, чтобы поцеловать Секиру.

Я вызываю лифт и жду в коридоре: пока он приедет, пока выйдет Пискля. У нас больше общего, чем она думает. Например, мы оба раним тех, кто нас любит.

ГЛАВА 4. ФИЛИПП

Мы возвращаемся в «Компост». Бармен смотрит на меня исподлобья, словно напрашивается на то, чтобы я вырвал ему бороду: по одному рыжему волоску за раз.

Занимаем ближайший к выходу стол: почти все места свободны, время обеда давно прошло. Заказываю Пискле два коктейля: я вижу, что её трясёт.

Она с неприязнью рассматривает клюшку, которую я захватил с собой. Та лежит на свободном стуле. Пискля бьёт по ней пальцем: раз, другой. Клюшка трясётся, стучит по стулу, но на пол не падает.

— Что это значит, как думаешь?

— Без понятия, — отвечаю я.

Эта клюшка напоминает мне о той арочной двери в пристройке фирмы.

Представляю, как она открывается со скрипом, обнажая тьму, и выплёвывает наружу клюшку, как не переваренную кость.

— Да что с тобой? Тебя словно подменили.

— В смысле? — спрашиваю я, понимая, что потерял контроль над своей мимикой.

— Ты словно призрака увидел.

— Работы много было. Устал просто.

— Ну да. Я ведь совсем тебя не знаю.

Когда приносят мой кофе и её коктейли, Пискля выпивает первый разом. Она остаётся напряжённой, и я уже и правда готов позвонить адвокату Филиппа: если это её успокоит. Нужно поставить точку в этом вопросе.

Достаю телефон, ищу в заметках номер адвоката, который защищал Филиппа на суде, и звоню. Он отвечает после второго гудка. Представляюсь и объясняю, по какому вопросу беспокою. Спрашиваю, помнит ли он Филиппа?

— Парень изнасиловал восемнадцатилетнюю девушку, его осудили, да, — отвечает адвокат так, как будто это случилось вчера. — Он работал в фирме по производству мебели…

— Дверей, — поправляю его я.

— Дверей, точно. Помню такое. Но мне нужно свериться с записями. Вносил ли мой клиент ваше имя в список доверенных лиц.

— Я был свидетелем на суде. Выступал в его защиту.

— Всё же я проверю. Много времени прошло, знаете ли. Я перезвоню.

Он отключается. Пискля смотрит с широко открытыми глазами, потягивая коктейль и ожидая ответа, но я лишь развожу руками. Думаю о том, что сказал бы этот адвокат, если бы узнал, что о судьбе его клиента беспокоится именно та, кто его загубила. Я заказываю ей ещё коктейлей.

К моменту, когда адвокат перезванивает, Пискля успевает выпить ещё два бокала. Последний ударяет ей в голову: её глаза тускнеют, под ними залегают серые мешки. Я не притрагиваюсь к кофе.

Телефон звонит. Я вздрагиваю.

— Ваш номер, как и ваше имя, в списке разрешённых звонков. Пытались связаться с ним раньше?

— Нет.

Я придаю голосу оттенок стыда, чтобы он не раскусил меня.

— Через родственников?

— Не знаком с ними.

Вспоминаю его родителей. На момент суда уже пожилых, убитых горем, не поверивших ни единому слову Пискли.

У него также был младший брат, но я никогда его не видел. На суде он не появлялся.

— Так в чём собственно дело? — спрашивает адвокат бесцветным тоном.

— Разбирал вещи на работе. Нашёл кое-какие его предметы. Вспомнил и решил проверить, как он там. Понимаю, что много времени прошло, но лучше так, чем никогда, верно?

— Как скажите. Разбирали вещи… Хотите отправить ему что-то в колонию?

Адвокат тормозит разговор. Я говорю, чтобы убедить его:

— Нет. Я просто думал о нём. Уже давно. Наверное, с самого суда. Не мог понять, как такое случилось? Но не решался позвонить, понимаете? А теперь вроде как я готов к разговору. Понимаю, звучит эгоистично, но то, что случилось, стало ударом. Для меня. Для всех нас.

Надеюсь, адвокат не спросит: для кого это, нас?

— Хм. Время… Оно такое, да. Всё по местам расставляет. Понимаю.

Я убираю телефон, выдыхаю, и возвращаюсь к разговору. Пискля не сводит с меня глаз, ловит каждое моё слово.

— Если поможете связаться с ним, буду благодарен. Вы так много для него сделали…

— Я лишь выполнял свою работу.

— Нет. Филипп говорил, что если бы не вы, он бы не нашёл в себе сил бороться с этой клеветой.

Адвокат откашливается.

— Клевета не клевета, суд признал его виновным. Его вина доказана, вы это понимаете?

— Да. Понимаю.

— Улики против него были неопровержимыми. Его сперма в девушке. Синяки от бандажа на её коже. Она обратилась в полицию на утро. Напуганная. Её истязали.

По её же воле, так было задумано, но я не говорю ему этого.

— Да уж, — отвечаю я. — Такой я её и запомнил.

— В каком смысле?

— На суде. Она так и выглядела, как вы говорите. Напуганной в смысле.

— Да. Будет тут бояться, когда судят твоего насильника.

Мы молчим. Пискля берёт меня за руку.

— Думаете, он захочет с вами говорить?

— Полагаю, у него полно времени, — отвечаю я и тут же жалею об этом.

— Это не смешно, — говорит адвокат, готовый, как мне кажется, отключиться и больше никогда мне не отвечать.

— Да, вы правы. Простите.

Адвокат отключается, обещая снова перезвонить.

Подходит официантка, молодая девушка, чем-то похожая на Миру, и спрашивает: не желаем ли мы поесть? Пискля заказывает салат, креветки и мини-морковь. Берёт ещё выпить.

Официантка спрашивает, буду ли я ещё кофе, но замечает, что я и этот не выпил, и уходит, извиняясь.

Вечереет, за окном смеркается. Бар наполняется посетителями: заходя, они отряхивают обувь, оставляя на каменных ступеньках снег.

Пискля не разговаривает и за руку меня уже не держит.

Присасываясь то к электронке, то к коктейлю, она переписывается с кем-то в телефоне. Полагаю с Секирой. Еду приносят, когда раздаётся звонок.

Пискля отодвигает тарелку, ждёт, пока я отвечу.

— Нашли номер? — спрашиваю я у адвоката.

Тишина.

— Алло? Вы нашли…

— Нет. Его нет.

Голос адвоката становится тише и даже бесцветнее, чем раньше.

— Кого нет? Номера?

— Филиппа. Вашего напарника. Его больше нет. Мне жаль.

* * *

Свет в баре загорается, словно вспыхивает пламя. Воздух тяжелеет, дышать становится трудно. Прошу адвоката подождать минутку, не отключаться. Поднимаюсь из-за стола, задеваю клюшку ногой: она падает, бьётся об пол. Пискля поднимает её, но не кладёт обратно, а держит в руках, как посох.

Кто-то из посетителей косится на нас.

Держа телефон в руке, отхожу к туалетам, где падаю в кожаное кресло, расположенное под ярким торшером в углу.

— Я слушаю, — говорю я загробным тоном.

— Он скончался прошлой ночью. Покончил с собой. Другой информации у меня нет. Мне жаль.

— Это точно?

— Да. Я звонил в колонию. Дежурный переключил меня на одного офицера, тот на другого, а он на начальника колонии. Всё официально.

Я сглатываю слюну и скребу ногтем по подлокотнику кресла.

— Причина, почему он принял такое решение, известна?

Выдавливаю эти слова из себя через силу.

Меня тошнит. Стены бара, покрытые деревянными панелями, кружатся.

— Нет. Но вот что я знаю наверняка: в тюрьме никто не любит и не заботится о благополучии насильников. Тех, кто обижает девушек и женщин на воле, в колонии ждёт одна участь.

— Хотите сказать, что Филипп ещё долго продержался?

Голос адвоката грубеет.

— Я ничего не хочу сказать. Но странно, что вы решили позвонить сегодня, когда он умер. Вы чего-то недоговариваете?

— Да. В смысле нет. Странно это всё, я согласен. Его семья в курсе?

Я думаю о его пожилых родителях. Живы ли они? А как там его младший брат? Я сильнее скребу по подлокотнику, впиваясь ногтем в обтянутое кожей кресло.

— Им сообщили, — отвечает адвокат.

— Понял.

В дальнейшем разговоре смысла нет. Но я не могу отключиться. Не могу заставить себя. Словно, сделай я так, и закроется дверь в прошлое.

Мне бы радоваться, но внутри лишь пустота.

Во рту пересохло. Язык прилип к нёбу, я едва ворочаю им.

— Берегите себя, — говорит адвокат, прощаясь.

— И вы. Спасибо.

* * *

Адвокат отключается, а я остаюсь сидеть в кресле, распластавшись, растекшись по нему, как клякса. Без сил. Сосредоточенный на своём тяжёлом дыхании, словно после забега.

Люди проходят мимо, запираются в туалетных комнатах; официанты бегают с подносами, из колонок играет что-то синтетическое и воздушное: противоположное моему настроению.

Когда нахожу силы поднять голову и посмотреть на Писклю, наши глаза встречаются, и впервые в жизни я ощущаю истинную связь между нами: она понимает меня без слов.

Пискля бросает клюшку на пол, та снова гремит, люди озираются.

Она рыдает, прикрывая лицо ладонями. Плачет она всегда бесшумно.

Бармен и официантка, обслуживающая наш столик, переглядываются, но решают не подходить.

Остаюсь сидеть в кресле, прожигая глазами хоккейную клюшку, лежащую на полу. Прибывают посетители, усатый парень в пиджаке и кроссовках перешагивает через клюшку с озадаченным выражением на лице.

Мои мысли крутятся вокруг Пискли. Какой следующий шаг она предпримет?

Я снова думаю о маленькой двери в пристройке фирмы. О том, что наверное в этот момент жена Нигучи гадает, почему её муж не вернулся домой.

* * *

Пискля напивается, и мне приходится везти её к себе. Она отказывается ехать домой, боится, что Секира не одобрит её пьянства и уйдёт от неё. Она без конца плачет.

Мне же на руку. Так мне проще держать её под контролем. Я и правда опасаюсь её дальнейшего шага, она на грани.

Приезжаем ко мне на такси, которое заказывает Пискля. Нас везёт тёмно-синяя иномарка, водитель — женщина средних лет с химией на голове. Мы с Писклёй на заднем сидении, она лежит на моих коленях, подогнув ноги.

Она прижимает к себе хоккейную клюшку, разве что не обнимает её.

Женщина-водитель спрашивает, что случилось, девочка, но Пискля молчит, и я говорю, что это не её дело. Говорю, что в комментарии к заказу машины в приложении сказано: поездка в тишине, без разговоров. Но потом вспоминаю, что машину вызвала Пискля, и ничего такого у неё там не указано.

В итоге затыкаюсь я, и мы едем, слушая музыку по радио, пока женщина косится на меня, как на психа, в зеркало заднего вида: играют незнакомые мне поп-треки из чарта, тогда как в прежние времена по радио не редко звучали треки с моей музыкой.

Зайдя в мою квартиру впервые с тех пор, как произошла вся эта наша история с Филиппом, Пискля первым делом бросается в ванную, где её рвёт в унитаз.

Оставляю хоккейную клюшку в коридоре под вешалкой и следую за ней.

В ванной я опускаюсь рядом с унитазом и держу Писклю за чёрные волосы.

— Прими душ и ложись спать.

— Что нам теперь делать? — спрашивает она, шмыгая носом.

Она вытирает губы тыльной стороной ладони, покрытой татуировкой циферблата в сердце, сделанной на всю кисть: это одна из немногих её тату, которые я понимаю без дополнительных объяснений — ценность утраченного времени.

— Сегодня ничего, — говорю я.

— Но мы должны что-то сделать. Прошу тебя…

Её снова тошнит. Когда она заканчивает, прижимаю её голову к своей груди и утыкаюсь лицом в её волосы: они пахнут орехами.

— Всё будет хорошо. Я обещаю.

— Нам нужно рассказать кому-нибудь.

— Исключено, — отвечаю я непоколебимым тоном.

— Полиции. Или его родителям.

Когда она смотрит на меня, её глаза заплаканные и наивные.

Я объясняю ей, что это всё усугубит и никак нам не поможет.

— Мы убили его. Я не смогу с этим жить.

— Ты преувеличиваешь.

— Он мёртв, — отвечает она, возвращая голосу привычную резкость. — Смерть нельзя преувеличить. Ты либо жив, либо нет.

— Это не наша вина.

— Как ты не чувствуешь… всей… этой… боли?

Глажу её волосы, она не противится.

— Это не так. Я чувствую… что-то.

— Не верю тебе.

Обнимая Писклю, я говорю то, что и правда думаю:

— Мне жаль, что всё так закончилось. Но всё и правда закончилось.

* * *

Пискля принимает душ и чистит зубы одной из новых щёток, купленных на случай, когда в моей постели просыпаются девушки: бывает, я знакомлюсь с кем-то в баре и привожу к себе.

Но с некоторых пор, когда мне стало известно про один из побочных эффектов от приёма Зозамакса, я отказываю себе в такой роскоши.

Поздним вечером я укладываю Писклю спать на диване: она отказывается надеть халат, настолько пьяна. Позволяет лишь накрыть себя пледом и подложить подушку под голову. Долго сижу рядом с ней в кресле-мешке. Пискля засыпает, а я смотрю на неё, глажу волосы, когда она стонет и брыкается во сне: измученная, уязвимая.

Не следовало втягивать её в это. Нужно было выбрать кого-то менее сентиментального. Я не учёл того факта, что она станет старше и переменится.

Что разлюбит меня. Или просто перестанет любить так, как раньше.

Поддаюсь порыву и целую её в щёку: кожа горячая и солёная на вкус.

Пискля улыбается во сне, хмыкает и прижимает мою ладонь к своему лицу.

Она шепчет то, что могло бы разорвать мне сердце — если бы оно у меня было. Если бы я был человек, как все другие люди, а не бездушным куском льда, брошенным на дно высохшего колодца.

— Я сделала это ради тебя.

— Я знаю. И я благодарен тебе.

— Потому что любила тебя.

— Всё будет хорошо.

Голос у неё сонный и мечтательный. Глаза закрыты.

— Ляжешь со мной?

— Конечно.

— Только не приставай ко мне.

— Не буду.

— Ладно, шутка, — говорит она. — Это я не буду приставать к тебе.

Пискля хихикает, снова шмыгая носом.

Я не предлагаю ей перейти на кровать в спальню.

Пискля сдвигается на самый край дивана, и я ложусь рядом, обнимая её сзади.

Она говорит, почти шепчет:

— Я хочу, чтобы боль ушла. Я не могу больше страдать.

— Всё пройдёт. Спи.

— И не говори моему парню, что мы обнимались.

— Не скажу.

* * *

Наконец Пискля проваливается в глубокий сон. Какое-то время обнимаю её хрупкую фигуру. Потом поднимаюсь, чтобы сходить в туалет, но натыкаюсь взглядом на клюшку в коридоре. Беру в руки, снова рассматриваю.

Сдираю грязную изоленту в цвете хром с конца клюшки, разматываю её и обнаруживаю под ней знак зодиака.

РАК

Фрезеровка, сделанная, полагаю, Филиппом. Он родился под этим знаком.

Оставшуюся часть ночи, лёжа рядом с Писклёй, я не сплю и думаю о том, что когда доберусь до Миры, то на этот раз сделаю всё сам. Никого не втягиваю. Без чьей-либо помощи. Рассчитывать я могу лишь на себя.

Но остаётся вопрос: как поступить с Писклей?
Ответ приходи под утро, с первыми лучами солнца. И он очевидный.

ГЛАВА 5. ДОКТОР ПАЛЬМА

Доктор Пальма принимает меня на следующий день, сразу после того, как я заканчиваю работать. Утром я оставил Писклю спать в своей квартире, а сейчас обдумываю, как именно всё устроить, чтобы она ничего не поняла, когда молодая рыжеволосая медсестра в белом халате поверх чёрной водолазки втыкает мне иглу в вену со словами «расслабься, не напрягай руку», чтобы взять анализ на содержание Зозамакса в крови. Пробирка наполняется, я прижимаю спиртовую салфетку к руке: от резкого запаха режет нос.

Медсестра с невозмутимым видом покидает кабинет, скрываясь за дверью, ведущей не в коридор, а, как я полагаю, в лабораторию.

Эту процедуру я прохожу еженедельно.

Несмотря на неприязнь к Доктору Пальме, между нами образовалась некоторая связь: я хожу к ней с тех пор, как суд назначил мне условный срок.

— Как обстоят дела на работе?

— Нигучи пропал, — говорю я. — Сегодня прихожу на работу, а его там нет.

— Куда он делся, как думаешь?

— Говорят, ушёл в запой.

— Это расстраивает тебя? — спрашивает Доктор Пальма, сидя в одном из двух кресел, закинув обтянутые в капроновые колготки ноги одну на другую.

Она изучает меня без каких бы то ни было явных эмоций, периодически делая пометки в планшете.

Я бросаю салфетку с пятнышком крови в центре в настольный контейнер для мусора.

— Есть немного.

— Ты упоминал, что в фирме, где ты работаешь, внезапная пропажа сотрудников это обычное дело?

— Когда я такое говорил?

Я напрягаю память и не могу вспомнить.

Доктор Пальма говорит, сверяясь с записями в планшете — водит по нему пальцем, пролистывая экран:

— Был парень, твой ровесник, работал склейщиком. Ты называл его Мистер Клейстер. Пропал в начале осени. Говорили, заболел, а потом, что сам уволился. До него Гольф, двадцать пять лет, ходил в одном и том же замызганном поло, это с твоих слов. Пропал летом. Перед ним ещё двое: Рубик и Кудря. Были друзьями со школы, устроились вместе в начале года. Кудря постоянно спорил с директором фирмы.

— Я не помню, чтобы говорил такое.

— Хочешь сказать, что всё это неправда?

— Правда. Эти люди пропали. Но я точно уверен, что не упоминал об этом.

Мне кажется, она на секунду колеблется. Словно я сбил её с толку. Но если и так, то эта перемена занимает всего секунду. Самообладания Доктору Пальме не занимать.

Спортивная фигура, строгая юбка-карандаш, белая блузка и светлая чёлка делают её недоступной для одних и опасной для других. Мне же она кажется интересной не больше, чем кусок гранита, застрявший в куче собачьего говна.

После тяжёлого рабочего дня, а сегодня я проработал полный день, хорошо вытянуть ноги. Я перемещаюсь на кушетку, ложусь, устраиваясь удобнее.

Доктор Пальма улыбается и говорит успокаивающим тоном:

— Ты просто забыл. Такое бывает, когда пьёшь сильные препараты. Зозамакс как раз такой.

— Ваш вердикт принят, — отвечаю я, не желая развивать эту тему. — Давайте сменим тему.

— Поговорим о том, что ты видишь.

Я лежу на кушетке, глядя в панорамное окно просторного светлого кабинета на шестнадцатом этаже бизнес-центра «ПростаТит». С этой высоты виден бетонный мост над рекой, ведущий за город. Электронные часы на столе Доктора Пальмы показывают восьмой час вечера. Пробка на мосту накапливается. С улицы доносится шум: крики людей, похожие на щебетание птиц. Стоп-огни машин разрывают темноту вечера, как красные глаза драконов. За мостом протягивается лесная парковая зона, в глубине которой когда-то стоял мой дом.

Частный сектор, каменный дом, расположенный поодаль от других: я купил его, когда мне не было двадцати пяти, на деньги, заработанные музыкой. Двести квадратов. Подъездная дорожка, которую я чистил каждую зиму. Задний двор с зоной для барбекю, садиком и оранжереей. В тот год, когда всё пошло не по плану, я собирался вырыть бассейн двадцать на шесть метров.

Я думаю об этом, а сам говорю ей:

— Я вижу бедолаг, застрявших в пробке.

— Ещё что-нибудь? Может, свой дом?

— Его не видно отсюда.

— Но ты можешь представить его себе? Закрой глаза и вспомни, каким он был.

Вздыхаю, как недовольная собака. Но делаю, как она просит.

Доктор Пальма задаёт правила игры. Моё дело простое: делать вид, что я ей подчиняюсь — чего я вообще-то не терплю. Чтобы как можно скорее распрощаться с ней.

Выздоравливать я не собираюсь. Не хватало ещё, чтобы Мира осталась безнаказанной.

* * *

— Вижу свою студию, в которой работаю, она в дальней части дома. Как готовлю завтрак Мире, пока она спит. Как отвечаю на сообщения довольных клиентов, которые платят мне за один проект столько, сколько сейчас я зарабатываю за месяц. Как вечером сижу и курю на террасе, глядя на оранжерею. Как занимаюсь любовью с Мирой.

— Теперь ты осознаёшь всю печаль того события, что заставило тебя поставить прежнюю жизнь на паузу?

— Мы тысячу раз всё обсудили. Я уже как домой сюда хожу. Вы поручились за меня перед судом, не дали посадить в тюрьму. Я благодарен, правда. Взамен я участвую в вашем эксперименте. Принимаю Зозамакс, а вы отслеживаете его действие. Хватит рефлексии. Мне нужен кофе.

Поднимаюсь с кушетки и направляюсь к кофе-машине. Доктор Пальма следит за мной, пока я наливаю горячий кофе в пластиковый стакан. Руки трясутся.

— Что ты сейчас чувствуешь?

— Ничего. Безразличие.

— Это неправда. Ты злишься на меня? На Мирославу?

— Я плевать хотел. Перед вами другой человек. Но я попрошу вас в последний раз. Не зовите её полным именем. Ей это не нравится. Она — Мира.

Она пропускает мой комментарий и говорит:

— Как бы ты отреагировал раньше, если бы тебя задели чьи-то слова?

— Перегрыз бы глотку? Вы ведь это хотите услышать?

Она ничего не говорит. Я сдаюсь и отвечаю, разводя руками, и проливаю кофе: несколько капель попадают мне на ботинки.

— Я чувствую себя беспомощным, потому что не могу просто взять и уйти отсюда. Потому что не могу писать музыку. Потому что вынужден торчать на вонючем производстве

дверей, где я задыхаюсь от скуки, мучаюсь, слушая жалобы коллег на жизнь. Это… просто… убивает меня. Да, именно так.

Она что-то отмечает в планшете, я жалею, что поддался на провокацию и наговорил столько всего. Это не улучшит положения моих дел.

Это не даст мне отделаться от Доктора Пальмы ещё бог знает сколько.

— Тебя утомляют разговоры со мной или разговоры о Мирославе?

— Меня утомляют разговоры в целом. Серьёзно, док. Я в норме. Но я прошу вас, не зовите вы её так.

Ощущаю, что потею, хотя в кабинете работает кондиционер. Стою у окна, опираясь на стену, отпиваю кофе. На планшет Пальмы приходит уведомление: результаты моего сегодняшнего анализа, как всегда в это время.

— Всё в порядке. Содержание препарата в норме. Так держать. Ты молодец. Продолжай и дальше пить Зозамакс два раза в день…

— …и будет тебе счастье.

— …и мы будем отслеживать твоё состояние. Ты проделал колоссальную работу, но финал не так близок, как тебе кажется. Один неверный шаг и жди рецидив. И тогда тебе не удастся отделаться лечением. Тебя придётся удалить из общества.

В её голосе нет ни намёка на запугивание. Сухие факты.

— От ваших таблеток я стал индифферентным.

— Зозамакс это сильный нейролептик и транквилизатор. Он подавляет позывы к агрессии. Не просто блокирует, нет. Он выжигает природную ярость. Ты буквально становишься не способен причинить физический вред. А вместе с тем становишься терпимее, отзывчивее, спокойнее. Раскаяние, вот к чему мы стремимся.

Думаю, что не согласился бы с ней по поводу всего сказанного, но говорить такого своему лечащему врачу не стану. Только киваю, как идиот.

— Я всегда был душкой.

— Даже в тот день, когда приковал Мирославу наручниками к батарее и ушёл на два дня, оставив её одну?

* * *

В просторном светлом кабинете эти слова разносятся как раскат грома.

И тогда я не выдерживаю и ору на Доктора Пальму, потому что она знает, что всё было не так или не совсем так. Знает, но игнорирует. Не слушает, и предпочитает обговаривать всё по сто раз.

— Она собиралась уйти от меня. Я запаниковал. Я лишь хотел выиграть время, чтобы она одумалась. Да, я сильно напился, и потерял счёт времени. Пришёл сильно позже, но пришёл! Мать вашу, я не бросил бы её там умирать! За кого вы меня принимаете? И прошу вас, док, не зовите её Мирославой. Она называла себя Мирой. Вы знаете. Я говорил вам сто раз!

Голос дрожит. В висках пульсирует. В горле ком, который не пробивает даже новый глоток кофе.

Отворачиваюсь к окну. Автомобильная пробка на мосту сменяется бурным движением.

— Ну конечно, — вот всё, что она говорит.

Доктор Пальма делает очередную пометку в планшете. Слышу, как она водит по экрану стилусом.

Я предпринимаю попытку обмануть врача, чтобы узнать, где сейчас Мира. Чтобы потом найти её и притащить к той маленькой арочной двери на работе.

Чтобы там поквитаться с ней.

— Если бы я только мог связаться с ней, я всё объяснил бы. Уверен, она поняла бы меня. Увидела бы, как я изменился. Что я стал другим, не опасным для неё и других. Если бы я

только мог объяснить ей, как я сожалею, как мучаюсь от того, что причинил ей столько боли. Я имею право на прощение, разве нет?

— Мы уже говорили об этом. Суд запретил тебе любые контакты с ней. И ты пока ещё нездоров. Как бы тебе не хотелось думать обратное, но увы, нет.

Доктор Пальма, возможно, единственная в мире, кто никак не поддаётся на мои манипуляции.

* * *

Хожу по кабинету, качая головой. Не могу найти себе место.

Снова приземляюсь в кресло напротив Доктора Пальмы. Сажусь, скрещивая руки на груди: моя кожаная куртка скрипит. Смотрю на Доктора Пальму, которая в очередной раз меня переиграла. Вывела на эмоции, чтобы показать, насколько я ещё нездоров.

Из-за двери в углу кабинета появляется рыжеволосая девушка-лаборант, передаёт мне бутылёк с таблетками без этикетки. Прячу Зозамакс в карман куртки. Благодарю, улыбаясь, но она не отвечает и не улыбается в ответ. Снова уходит туда же, откуда пришла.

Я вздыхаю, допиваю кофе и оставляю стакан с липким дном на столе.

Рассказываю ей о муравьях, ползающих у меня под кожей. Это заинтересовывает врача, и она просит рассказать подробнее, но я не хочу говорить ей о Пискле. Незачем Доктору Пальме знать о ней. Так что я придумываю историю о том, как разозлился на работе, споря с коллегой, и у меня появилось желание засунуть его голову под вакуумный пресс и нажать кнопку пуск на пульте управления, после чего под кожей всё зачесалось.

— Это хороший знак, — отвечает она после паузы. — Значит, препарат действует.

— В каком смысле?

— Твои реакции обостряются. Организм борется с желанием проявить агрессию. Разозлиться. Причинить вред. Мы на верном пути. Посмотрим, что будет дальше.

У меня складывается впечатление, что она сама не знает, чем меня лечит.

— Теперь я могу идти?

— Да, до встречи на следующей неделе. Будут проблемы, звони.

— Ну конечно, — говорю я, думая, что теперь настала моя очередь лицемерить и зубоскалить.

Выходя из кабинета, я чувствую себя как выпотрошенная акула, выпущенная обратно в океан.

* * *

Оказавшись в коридоре, испытываю облегчение. Рука болит в том месте, откуда медсестра взяла кровь: замечаю это лишь сейчас.

Шагая по коридору, натыкаюсь на мужчину в строгом костюме. Аккуратная стрижка. Прямая осанка. Гладко выбритое лицо: именно его лицо привлекает моё внимание, потому что кажется мне знакомым.

Мы расходимся возле кулера для воды и пары фиалок, которые стоят на полпути между лифтом и кабинетом Доктора Пальмы. Останавливаюсь выпить воды. Мимо проходят девушки из соседнего офиса, хихикают, я киваю им. А когда оборачиваюсь, вижу, как мужчина в костюме стучит в тот самый кабинет, из которого я только что вышел, и, не дожидаясь приглашения, заходит внутрь. В кабинет без таблички, где принимает Доктор Пальма (на дверях прочих кабинетов на этаже значатся названия фирм). Перед тем, как зайти, он поворачивает голову, и наши взгляды встречаются на секунду.

И тогда я вспоминаю, где его видел. Это водитель такси.

Один из них или они все: трудно сказать, когда особо не разглядываешь таксистов.

Но если он и узнаёт меня, то никак этого не показывает.

Подкрадываюсь к кабинету, прижимаюсь к стене спиной так, чтобы меня не было видно. Повернув голову, слежу за тем, что происходит в кабинете через приоткрытую дверь.

Доктор Пальма переместилась за свой стол, а мужчина в строгом костюме стоит перед ней, сложив руки перед собой, как охранник. Словно отчитывает перед ней. Или ждёт указаний.

Улавливаю часть диалога. Он спрашивает, как обстоят дела, а она отвечает: всё идёт по плану, и он ни о чём не подозревает.

Кто этот он? Речь обо мне?

Не успеваю дослушать, так как мужчина в костюме косится на дверь.

* * *

В тот же момент из соседнего кабинета выходит лысеющий тип средних лет в горчичном свитере. Закуривает электронную сигарету в коридоре и ухмыляется мне. Отвлекаюсь на него, а когда заглядываю в кабинет снова, то вижу, как Доктор Пальма и её собеседник уже уходят в другое помещение: туда же, куда уходит медсестра после того, как берёт мою кровь.

Тип в горчичном свитере говорит заговорщицким тоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.